

Медушевский А.Н. РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПРОБЛЕМА РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ТРАДИЦИИ. Тезисы доклада.

1. Правовая традиция – приверженность общества и юристов соответствующим стереотипам мышления и мотивации поведения, передаваемым от одного поколения другому. Русская правовая традиция – есть пограничный вариант континентальной правовой семьи – традиционного обычного права, радикально преобразованная модернизацией Нового времени. Это – модель правового развития, вынужденная постоянно преодолевать феномен правового дуализма и до настоящего времени находящаяся в процессе догоняющего развития. Необходимо различать две интерпретации традиции – как стабильной «замороженной» реальности и как «живой традиции» - динамичной реальности, постепенно наполняющей старые стереотипы новым смыслом. В данном докладе принята вторая интерпретация, отражающая процесс формирования нового права как изменения старого.

Результатом российского революционного проекта XX в. стала радикальная, насильственная и антиправовая *модернизация традиционного общества в форме ретрадиционализации*. Данный тип модернизации не является уникальным, охватывая широкий спектр политических систем XX в. – от тоталитарных до различных постколониальных националистических, фундаменталистских и авторитарных режимов «направляемой демократии».

В России это - революционная по форме и методам, но содержательно ограниченная и непоследовательная модернизация, осуществлявшаяся с огромными социальными издержками. Используя традиционалистские стереотипы для обеспечения социальной мобилизации и контроля, она заложила основы когнитивных противоречий постсоветского периода.

2. *Под революцией* мы понимаем радикальное изменение информационной картины мира – преодоление когнитивного диссонанса общества путем насильственного изменения государственного строя, сопровождающееся фундаментальным пересмотром принципов его политической конституции и легитимирующей формулы режима. Революция порождает нормативный хаос, запуская процесс спонтанной селекции конкурирующих проектов социального конструирования, один из которых становится доминирующим при создании новой правовой и политической системы.

Революция, следовательно, продолжается столько, сколько действует легитимирующая формула созданного ею политического режима. В России это весь период существования советского политического режима (1917-1991 гг.).

Основными параметрами анализа являются – формирование революционного мифа, его фиксация в основных идеологических программах и конституциях, результаты реализации для политической системы на всем протяжении существования.

3. Миф революции - система представлений (символов), основанных на вере, но не знании. Содержание мифа Русской революции определялось постулатами утопической коммунистической (марксистско-ленинской) идеологии, структура была вполне логична (во многом соответствуя структуре религиозного мифа), а функция очевидна – поддержание легитимности однопартийной диктатуры.

Распространение революционного коммунистического мифа (в большевистской трактовке) в мире связано с его привлекательностью для сознания традиционного аграрного общества, а эволюция – определяется наличием основных трактовок, доминировавших в России XX в.

Определяющее значение для эволюции мифа в России получили пять основных интерпретаций, возникших в XX в. и перешедших в современную историографию – 1)сторонников революции (начало новой эры коммунизма во всемирном масштабе); 2)ее противников, прежде всего контрреволюционной эмиграции (революция как катастрофа - «Смута», закончившаяся крушением российской государственности); 3)идеологии сталинизма (создание особой советской государственности нового типа в условиях корректировки коммунистического мифа); 4)эпохи «Оттепели» и затем Перестройки (возвращение к истокам революционной идеологии для преодоления исторических искажений и построения «подлинной» социалистической демократии); 5)наконец, представления постсоветских демократических преобразований (радикальное отрицание коммунистического мифа и всего советского наследия во имя демократии западного типа).

Логика развития мифа, связанная с динамикой советского режима, прошла путь от преклонения перед революцией в почти сакральном смысле до превращения ее идей в собственную карикатуру и столь же решительного их отрицания. В основе пересмотра мифа – естественный процесс рутинизации революционной харизмы – движение от утопии к реальности по мере остывания революционной лавы.

4. Причины крушения Первой демократической республики, созданной Февральской революцией и установления коммунистической однопартийной диктатуры в России связаны как с объективными факторами (господством стереотипов традиционного аграрного общества), так и с ошибками осуществления либерального проекта. Эти ошибки могут быть разделены на доктринальные, институциональные и тактические. К первым относится идея немедленной реализации в России принципов либеральной европейской демократии – всеобщего избирательного права, парламентаризма и разделения властей, которые не могли быть полноценно осуществлены в ситуации перехода от сословного общества к массовому, крушения государственности и начавшегося распада страны, тем более в условиях Первой мировой войны. Ко вторым – относятся ошибки институционального проектирования, связанные с непрочной легитимностью Временного правительства, неадекватностью принятой модели Учредительного собрания (которая отдавала всю полноту власти законодателям в ущерб действующей исполнительной власти), а также промедлением с его созывом. К третьим – тактические ошибки, связанные с общей презумпцией того, что основная угроза демократии исходит справа (от сторонников реставрации монархии), а не слева (со стороны леворадикального экстремизма).

Все эти причины определили неспособность Временного правительства своевременно принять конституцию, добиться консолидации центристских сил на основе программы демократических преобразований, уничтожить альтернативные самопровозглашенные институты политической власти (Советы), выстроить систему административного управления и противопоставить большевистскому перевороту адекватные технологии защиты демократического строя.

Реальный выбор постфевральской России состоял, следовательно, не в артикулированной дилемме – Самодержавие или парламентская республика (в одной из предложенных модификаций), а в избрании оптимальной формы авторитарного режима – должна это быть диктатура революционного экстремизма (якобинского типа) или контрреволюционная военная диктатура (бонапартистского типа), способная остановить спонтанное развитие революционного цикла и обеспечить условия конституционно-демократической консолидации в будущем.

5. Проект революционно-коммунистического социального конструирования, положенный в основу после Октябрьского переворота 1917 г., определяется взаимосвязью идеологии, права и структуры коммуникаций, приводящих политический механизм в действие. Приоритет идеологии (революционного мифа) над правом (четыре

партийных программы 1903, 1919, 1961, ее новая редакция 1986 гг.) есть основа советского правового и институционального проектирования.

Его формальное выражение – номинальный конституционализм как способ социального регулирования. В отличие от реального, советский номинальный конституционализм имел три основных особенности – полное отсутствие реализуемого характера правовых норм, отказ от судебного контроля конституционности законодательства (только политический контроль) и, как следствие, - чрезвычайную гибкость (все правовые нормы могли быть наполнены любым угодным власти содержанием путем их идеологического и политического толкования).

Мобилизационная политическая система однопартийной диктатуры не была скована собственными конституциями и правовыми ограничениями: действуя на основе революционной легитимирующей формулы, власть имела экстраординарный характер, действовала в режиме чрезвычайного положения на всем протяжении существования СССР.

6. Конструкция номинального федерализма объясняет отказ от его научного конструирования и принятую модель государственного устройства. Миф Государства-Коммуны, господствовавший в сознании большевиков, предполагал немедленное создание «мировой коммунистической федеративно-демократической республики», определив конкуренцию трех принципов построения государства – анархо-синдикалистского (федерация профсоюзов разных профессий и уровней); корпоративистского (федерация территориальных «коммун» – от местных «коммунальных образований» до союзных и всемирных); и национально-территориального (федерация национальных республик и автономных областей, отличающихся особым бытом и составом населения). Выбор последней (ленинско-сталинской) формулы федерации в ходе принятия Конституции РСФСР 1918 г. и Конституции СССР 1924 г. определялся не столько доктринальными принципами, сколько – тактическими соображениями удержания власти.

Последовательная редукция принципа народного суверенитета к «власти трудящихся», советскому государству и от него к партии – исключала реализацию федеративного принципа. Поэтому государственное устройство СССР и России изначально тяготело к унитаризму.

Этим объясняется фундаментальное противоречие возникшей модели: формально-юридически являясь конфедерацией (поскольку допускала право сепарации для союзных республик), она объявляла себя федерацией (правда, особого рода – «социалистической»),

но на деле представляла собой унитарное государство (неоимперского типа). Характерны ее определения в современной литературе – «советский», «имперский» и «унитарный» федерализм. Главным условием сохранения такой модели федерализма являлось воспроизводство номинальной советской системы при фактическом господстве однопартийной диктатуры.

7. Номинальный конституционализм выполнял ряд вполне реальных социальных функций легитимации системы - обоснования ее безальтернативности в настоящем и несменяемости в будущем, камуфлирования реальной власти.

Первая из этих функций заключалась в признании окончательности исторического выбора общества в ходе коммунистической революции (хотя достижение утопического идеала постоянно отодвигалось в неопределенное будущее). *Вторая* – во введении такой трактовки общественного договора, которая не предполагала возможности его пересмотра в изменившихся обстоятельствах как действующими, так и последующими поколениями (формальная легкость пересмотра всех советских конституций определялась именно этим базовым принципом). *Третья* - выражалась принятием такой концепции советского государства, которая нивелировала роль подлинного носителя власти – партии и ее руководства, метаконституционный статус которого никогда не получал четкого юридически фиксированного характера.

Определяющей социальной функцией номинального конституционализма должна быть признана – мобилизационная. Конституции действительно фиксируют этапы социальной трансформации, однако - это не стадии социального прогресса («построения социализма»), а этапы массовой социальной мобилизации, требовавшие различной степени контроля общества государством, интенсивности подавления оппозиции, неодинаковых форм социальной коммуникации и инструментов манипулирования сознанием (смена которых определялась поиском ответов системы на внутренние и внешние информационные вызовы).

8. Понять устойчивость и длительность существования номинального конституционализма невозможно, поэтому, без учета экстраконституционного воздействия власти на общество – методов его социальной дрессировки, важнейшим из которых становились репрессивные кампании для закрепления новых стандартов социальной и когнитивной адаптации.

Все советские конституции принимались в периоды роста репрессий – роспуска Учредительного собрания, гражданской войны и ликвидации многопартийности

(Конституция РСФСР 1918 г.); подавления регионального сепаратизма и создания по сути унитарной модели государства (Конституция СССР 1924); подготовки политических процессов и начала Большого террора (Конституция 1936 г.); борьбы с либерализацией периода Оттепели (Конституция 1977 г.). В тех случаях, когда репрессии не имели масштабного характера (как в период Оттепели или горбачевских реформ), инициативы по принятию конституций не были успешны. Конституции фиксировали новые «правила игры», вводили формальные критерии разделения системного и антисистемного поведения, определяли образ врага и служили идеологическим и юридическим обоснованием направленных репрессий, легитимируя применение различных форм насилия.

В этой конструкции находит полноценное объяснение институт культа личности. Вопреки позиции современников, данный институт – не случайное явление, а имманентная функциональная закономерность. Вождь стоит над правом, выполняя функции верховного жреца идеологического культа и дирижируя всеми институтами, но оставаясь формально безответственным. Этот институт был необходим для поддержания системообразующего революционного мифа (особенно в условиях растущего понимания его утопичности), преодоления конфликта формальных и неформальных норм, номинального права и реальности, поддержания единства и иерархической структуры системы, разрешения противоречий и дисфункций (между партийными и государственными институтами), преодоления институциональных диспропорций на всех ее уровнях, в конечном счете – определения смысла социального конструирования. Именно поэтому, институт культа личности последовательно воспроизводился в той или иной форме на всех этапах развития советского общества и был неизменным атрибутом всех систем советского типа.

9. Ключевой фактор эволюции советского политического режима – установление оптимального для системы соотношения формальных и неформальных норм и институтов. Противоречие формальных и неформальных норм (при всей условности их разграничения для советского общества) определило институциональную динамику системы, прошедшую стадии формирования, консолидации и формально-юридического обоснования в первой половине XX в.

На первой стадии (создания советского государства) доминирующую роль играют неформальные практики, поскольку революционный режим в принципе отвергал право как способ социального регулирования: в теории господствовало представление о последовательном «отмирании» права и замене его новым типом общественного

сознания, на практике - административная система отрицала правовые ограничения, руководствуясь принципом революционной целесообразности. Во время Октябрьского переворота и роспуска Учредительного собрания вплоть до принятия Конституции РСФСР 1918 г. доминировала доктрина «революционного правосознания», выступавшая как обоснование суда «революционной совести» и разрушения исторического правопорядка.

На втором стадии (консолидации диктатуры) преобладающее значение приобретает поиск стабильных правовых основ системы, что в правовой теории выражено сменой доктрины «правосознания» доктриной «революционной законности», дававшей возможность при необходимости обращаться то к одной, то к другой части этой внутренне противоречивой формулы (т.е. грубой силе или законодательному регулированию), обосновывая необходимые исключения из общих правил в чрезвычайных условиях. Результатом стала дивергенция формальных и неформальных практик в условиях растущего осознания нереализуемости революционного мифа (немедленного построения коммунизма во всемирном масштабе). Их разграничение достигалась, с одной стороны, путем последовательной юридической фиксации норм и институтов номинального конституционализма, закрепления их иерархии в правовой системе и четкого порядка их пересмотра (законность); с другой - за счет последовательного выведения неформальных норм и практик за скобки правового регулирования (революционная целесообразность). Данный подход доминировал в период образования СССР и принятия его Конституции 1924 г.

На третьей стадии - решалась проблема согласования формальных и неформальных норм через когнитивное манипулирование. Проблема согласования двух типов норм номинального и реального права была решена принятием Конституции СССР 1936 г. (система норм формального права), социальной мобилизацией (кампания по ее «всенародному обсуждению») и подавлением оппонентов, способных дать ее неконвенциональную (для режима) интерпретацию. Конституция «победившего социализма» 1936 г., принятая в канун «Большого террора» 1937-1938 гг., и сопровождавшая ее кампания внешнего и внутреннего политического пиара, заложила основы советского мифа, представила его когнитивное оформление (знаменитое «двоемыслие») и четкое юридическое выражение. Пересмотр этого мифа и определявшегося им реального механизма взаимодействия формальных и неформальных институтов, становился невозможен без отказа от несущих основ системы. Теоретическим выражением данной системы стала доктрина «социалистического правового порядка», рассматривавшая диктатуру как фундаментальную предпосылку и единственный

источник права, принятая с середины 1930-х гг. и действовавшая до конца советского режима.

10. Вызовы глобализации, информатизации и распространения идеологии прав человека во второй половине XX в. обозначили кризис данной системы - сформировали запрос на пересмотр революционной легитимирующей формулы и движение в направлении реального конституционализма. Интуитивное ощущение постсталинским руководством правовой нестабильности, институционального паралича и потери управляемости стимулировало дискуссию о деbüroкратизации политической системы, стремление кодифицировать и юридически выразить принципы ее устройства и функционирования. Выделим три стадии эрозии политической системы и ее легитимирующей формулы.

Первая стадия на этом пути – поиск путей конвергенции формальных и неформальных норм во имя сохранения эффективности режима в условиях остывания революционной лавы, когда теряли действенность доминировавшие ранее экстраправовые формы социальной мобилизации, основанные на революционном энтузиазме и массовом терроре. Методом решения проблемы в период «Оттепели» стала попытка последовательной правовой фиксации утопических идеологических принципов системы. Это решение (зафиксированное Программой партии 1961 г.) не выходило за рамки основополагающей революционной формулы и попытки возрождения ее метафизической мессианской роли (в виде идеи немедленного перехода к коммунизму). Основная причина провала проекта несостоявшейся Конституции СССР 1964 г. – невозможность конституировать утопию и создать систему норм и институтов, способных реально функционировать на этой основе.

Вторая стадия – попытка элиты прагматически решить проблему институциональной стагнации путем модификации легитимирующей формулы режима с позиций движения к реальности. Революционный потенциал легитимирующей формулы сменяется охранительным, а его воплощением становится юридическая позитивация принципов и институтов, влияющих на производство правовых норм. Ключевой проблемой по-прежнему оставалось отношение государственных (советских) и партийных структур, а наиболее острая дискуссия шла по вопросу о необходимости юридического определения института партии и его руководящей роли. Момент истины для системы – включение в Конституцию положения о партии как «ядре политической системы», позволявшее ставить вопрос о правовых границах и ответственности ее роли. Статья 6 Советской конституции 1977 г. о руководящей роли партии, ставшая результатом этой

дискуссии, оказалась едва ли не единственной, полностью соответствующей социальной реальности так называемого «развитого социализма».

Третья стадия – коллапса системы и ее легитимирующей формулы. Перестройка Горбачева (1985-1991 гг.) – завершающий этап всего революционного проекта, не покушавшийся, однако, на его легитимирующую формулу. Это – идейная реформация, а не революция или реформа в узком смысле (как ее интерпретируют в литературе). Характерны параметры трансформации: отсутствие системного плана преобразований, отказ от использования западных моделей; ретроспективная ориентация (восстановление т.н. «ленинских норм»); использование эвфемизмов («гласность» - вместо свободы слова); отсутствие полноценной стратегии конституционных реформ (обращение к предшествующему хрущевскому проекту); стремление опереться на старые недееспособные институты («передача власти от партии к советам»); спонтанность проведения и запоздалый характер.

11. Движение от утопии к реальности в рамках Перестройки выразилось в осознанном стремлении одновременно решить три задачи - трансформировать идеологию в право, номинальное право в действующее, и приблизить его к реальности. Причины провала данной стратегии – невозможность заставить номинальные правовые нормы действовать как реальные. Когда система попыталась рассматривать утопические ценности и нормы номинального конституционализма как действующие («социалистический» плюрализм, федерализм и парламентаризм), - это привело к потере управляемости и крушению однопартийной диктатуры, поскольку выяснилась практическая неэффективность номинальных институтов в новых условиях информационной открытости.

Распад СССР в 1991 г. воспроизводит всю логику создания этого государства в обратном порядке: пересмотр роли КПСС как гаранта Конституции поставил вопрос о движении к реальному конституционализму, но отсутствие адекватных механизмов правового разрешения конфликтов между республиками по линии бикамерализма и конституционного правосудия делало естественным прямое обращение к аутентичному смыслу конституционных (договорных) гарантий федерализма. Отказ от унитаристского начала вел к децентрализации власти по линии номинального федерализма, а последняя завершилась распадом страны на основе конфедеративного принципа самоопределения национальных государств и раскола единой политической элиты. Описав полный круг, советский эксперимент в 1991 г. вернул страну к начальной точке – ситуации распада Российской империи в 1917 г.

Основными позитивными результатами Перестройки стали – деидеологизация общества, отмена однопартийной диктатуры, включение в систему элементов разделения властей - конструирование протопарламента, введение поста Президента СССР, наделенного сверхпредставительными полномочиями. Общая динамика советской политической системы, осуществлявшаяся в рамках революционной легитимности, оказалась неспособной преодолеть институциональный паралич, заложив основы постсоветской когнитивной модели социального конструирования.

12.С этих позиций нами решается вопрос о разрыве и преемственности имперской (монархической), революционной (советской) и современной республиканской (президентской) формул власти, влиянии советской легитимности на результаты конституционной революции 1993 г. и логику формирования постсоветской политической системы.

Формула власти проделала в XX в. эволюцию, включавшую пять этапов: 1) переход от абсолютизма (самодержавия) к дуалистической монархии с выраженным феноменом мнимого конституционализма (Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы империи 1906 г.); 2) от этой последней формы к парламентской (или смешанной) республике (которая была провозглашена Временным правительством и Учредительным собранием, но так и не стала реальностью); 3) установление советской системы при режиме однопартийной диктатуры, стадии развития которой выражались эвфемизмами – «трудовая республика», «республика советов», «советский парламентаризм», «общенародное социалистическое государство»; 4) переходный режим периода Перестройки, определявшийся как «социалистический парламентаризм» и «советская система с президентской властью»; 5) принятие современной Россией дуалистической системы (смешанной формы правления французского образца), в реальности означающей установление суперпрезидентской власти.

Таким образом, начало и конец революционного цикла XX в. – практически совпадают. Несмотря на все изменения формы правления, объем власти главы государства- политического лидера остается практически неизменным в монархической системе, однопартийном режиме и современном президентском режиме. При всех разрывах формально-правового обоснования, восстанавливается преемственность имперской, революционной и республиканской формул – российское имперское президентство.

13. Природа и структура постсоветского политической системы определяется исторической традицией, новой легитимирующей формулой и задачами постреволюционной стабилизации. Выход из кризиса был найден в конституционной революции и принятии Россией Конституции 1993 г., заложившей основы новой легитимирующей формулы власти и формирования постсоветского политического режима ограниченного плюрализма. Конституция 1993 г. последовательно приняла формулу Учредительного собрания - определила Россию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления», однако ввела сверхцентрализованную конструкцию политической власти, одновременно наделив президента огромными конституционными полномочиями – гаранта конституции, главы государства, определяющего приоритеты внутренней и внешней политики, практически неограниченным правом по изданию указов с силой закона.

В отличие от классических европейских революций XVII-XIX вв., русская революция не знала завершающей фазы Реставрации как реализованного компромисса общества и государства во имя выхода из революционного кризиса и достижения стабильности в форме восстановления монархии. Эту задачу приходится решать современному (постсоветскому) режиму, что определяет особенности его легитимирующей формулы (обращение одновременно к советским и имперским традициям и символам).

Этим объясняется особенность легитимирующей формулы новейшего политического режима, которая представляет собой синтез трех ее исторических форм – конституционно-демократической (всенародные выборы президента), советской (идеологические функции революционного лидера) и монархической (неограниченный характер власти главы государства, поставленной над системой разделения властей). Синтез республиканской, революционной и имперской традиций нашел выражение в концепциях «демократического цезаризма», медиа-бонапартизма, персоналистского режима и символике имперского президентства.

14. Революционный проект, столетие спустя после его начала, в сущности не получил полноценного завершения. Если социальная трансформация традиционного общества состоялась (как переход к светскому, индустриальному, массовому обществу), то политическая трансформация – не завершена до сих пор. Программа либеральных политических преобразований, сформулированная Февральской революцией, сохраняет актуальность по всем важнейшим параметрам.

Русская революция (в отличие от Французской) за столетие не решила проблему национальной идентичности, формирования гражданской нации и действенных механизмов децентрализации (полноценного федерализма); не создала устойчивых гарантий частной собственности как основы рыночной экономики; не привела к созданию правового государства и рациональной бюрократии.

В ходе революционного процесса не были созданы прочные основы демократической легитимности власти, в частности – правовые процедуры передачи власти от одного лидера другому. В XX в. это всегда спонтанный процесс, не поддающийся рациональному прогнозированию (в лучшем случае внутриэлитные договоренности или дворцовый переворот, в худшем – революционная смена власти). Не возникло полноценной национальной политической элиты, проникнутой единими демократическими ценностями и с этих позиций отстаивающей интересы государства. До сих пор не решена проблема восстановления культурной, правовой и политической преемственности дореволюционной, советской и постсоветской России.

Столетие спустя революции 1917 г., Россия оказалась в границах XVII –XVIII вв., с радикально сократившейся численностью населения, низким экономическим ростом (особенно заметным на фоне его поразительных темпов в начале XX в.), незавершенной демократической консолидацией и авторитарной системой политической власти. Однако она приобрела уникальный исторический опыт, адекватное понимание которого способно предотвратить повторение революционных социальных катастроф подобного масштаба в будущем.

15. Стабилизация системы делает актуальным общественный выбор – переход к полноценному конституционализму и его институтам или сохранение имитации – воспроизводство модели мнимого конституционализма, имитационной многопартийности и авторитарной системы правления.

Перспективы преобразований определяются следующими императивами демократической консолидации: отказ от революционного мифа и широко распространенных представлений об «особом пути» российского общества во всемирной истории, будто бы вынужденного постоянно выбирать между анархией и диктатурой; преодоление устойчивых традиций абсолютизма, советской диктатуры и современных форм авторитаризма, и, напротив, возрождение культуры либерального конституционализма; преодоление исторического отчуждения общества и власти, выстраивание стабильной правовой и институциональной системы, ликвидирующей

разрыв формально-правовых и неформальных антиконституционных практик, ведущих к воспроизводству авторитарной системы власти.

Приоритеты демократических конституционных реформ – переход к правовому государству, реальному конституционализму, федерализму и политической конкуренции (многопартийности); функционирующий парламентаризм и ответственное правительство; пересмотр режима неограниченной власти главы государства и замена ее подконтрольным обществу национальным лидерством с понятной правовой процедурой сменяемости власти, в целом - переход от режима имперского президента к режиму аутентично функционирующей смешанной формы правления.

Типология революций позволяет разделить их на те, которые завершились демократической консолидацией общества и те, которые оказались неспособны решить эту задачу в ходе революционного цикла. России предстоит еще длительный путь по формированию нового правового сознания, либеральных конституционных институтов и практик. Только после решения этих проблем мы сможем уверенно заявить: конец русской революции есть свершившийся факт.

Доклад суммирует итоги новейшего исследования автора: *Медушевский А.Н.* Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX веке. М.-Спб: Центр гуманитарных инициатив, 2017.